

Н. Д. Б а б и ч, доц.,
Черновицкий университет

Средства воплощения авторского замысла в романе Г. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский»

150 лет назад на страницах «Отечественных записок» появилась первая книга романа Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский», названного В. Г. Белинским «превосходной сатирой, написанной рукой отличного мастера» [1, с. 214]. Эта оценка поставила Г. Ф. Квитку-Основьяненко в один ряд с русскими писателями демократического направления, боровавшимися за победу реалистических принципов против идеализированного изображения существующего общества, чем «взахлеб» увлекались консервативные и реакционные литераторы.

Ко времени появления «Пана Халявского» (отдельным изданием произведение вышло в 1840 г.) еще не было потрясших Россию «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Но были другие произведения — «Старосветские помещики», «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834) основателя «натуральной школы» русской литературы, и уроки этой школы Г. Квитки-Основьяненко усвоил отлично, очевидно, еще и потому, что он, как считали М. Дашкевич и М. Драгоманов, рос как писатель вместе с этой школой [7, с. 16].

«Пан Халявский» принадлежит как раз к произведениям, которым «суждено было вслед за Гоголем и параллельно с ним готовить утверждение в литературе сатирического направления» [5, с. 115]. Как и во многих произведениях начального этапа «натуральной школы», созданных, например, И. Панаевым, В. Соллогубом, А. Галаховым, П. Кудрявцевым, Е. Гребинкой и другими, в романе «Пан Халявский» «высмеивается лишнее общественного смысла существование «столпов» феодально-крепостнического режима», формируется стереотип помещика: «это морально убогий и жестокий человек, который ест не для того, чтобы жить, а живет для того, чтобы есть» [7, с. 16].

Роман Г. Квитки-Основьяненко представляет собой хронику рода помещика Халявского, трех его поколений. Квитка-Основьяненко, нисколько не сожалея об уходящем мире, не идеализируя его, умеет таким же образом настроить и читателя, и это является притягательной особенностью «Пана Халявского».

Специфика творческого процесса, как известно, такова, что идея произведения во всей своей полноте реализуется лишь в целостной, законченной форме. Замысел, как движущая сила творческого акта, непрерывно корректируется этой идеей и, одновременно, ведет к завершению формы, которая ее выражает. Это определяет степень значимости такой проблемы, как трансформация творческого замысла в конкретное художественное произведение. Многоаспектность подобного вопроса очевидна, поэтому заранее оговоримся: в центре нашего исследования «проблемы трансформации» — поиск и осмысление стилизованной доминанты произведения.

Роман «Пан Халявский» Г. Квитки-Основьяненко по художественной форме представляет собой повествование от первого лица, которым является главный герой Трушко Халявский, малороссийский Митрофанушка. Это подчеркивается выразительным приемом — текст романа обрамлен аффективной репликой Халявского: «Тьфу ты, пропасть, как я посмотрю! Не наудишься, право, как свет изменяется!» [4, с. 191; 417] (сравни часто употребляемое Н. Гоголем экспрессивное «Фу ты, пропасть!»).

Трушко Халявский — интересный рассказчик. Он ведет читателя по своей жизни в течение почти 70 лет (у старосветских помещиков длинная жизнь, ибо основывалась только на физиологических функциях), но слушаешь его как бы на одном дыхании: представляешь маленького, кругленького, ерзающего на стуле доверчивого старичка, наивно верящего в непогрешимость своей жизни, убежденного в её «идеальности», интригующего слушателя самыми разнообразными «скрепами» своего рассказа. Чаще всего рассказчик обещает: «Увидите же, что из этого после выйдет» [4, с. 207] или же просит: «Прошу же прослушать и помнить» [4, с. 409]; иногда обращается с вопросом: «Что же вам далее рассказывать?» [4, с. 412]; нередко и подытоживает: «Хорошо. Итак, пока еще до чего, приступлю к сравнению» [4, с. 306], «Нуте, чтобы недолго рассказывать...» [4, с. 266]. Все это активизирует восприятие читателя. Однако чем подробнее персонаж описывает «прелести» своей жизни (в отличие от гоголевского старосветского помещика Толстогубова, который не мог хвалить старое время или порицать новое, так как не знал ни того, ни другого), чем больше он сокрушается о переменах, тем меньше сочувствуешь ему, тем острее чувствуется авторская ирония и явственнее сарказм. Автор, максимально приближаясь к реалистической манере, создает достоверный мир, хотя истинных средств, способствующих разрушению затхлого мира Халявских, он не осознает — Г. Квитка-Основьяненко говорит об изменениях в образовании, в культуре и быте, но не видит изменений в классовом сознании.

«Пан Халявский» — хроника рода и хроника века, однако одни его вехи (отмирание пресыщенного, ленивого, невежественного поместного дворянства) автор откровенно приветствует, а появление новых представляет нам несмело: идеалы и цели

новой молодежи он или не до конца понял, или просто плохо знал. Это произведение, как и все творчество Г. Квитки-Основьяненко, идейно неоднозначно, но в нем «дано столько неиспорченных авторскими сентенциями деталей из жизни, реалистически художественных факторов и характеров, что это часто вызывало восхищение самой требовательной критики, в частности В. Белинского и Н. Некрасова» [8, с. 481].

Трушко Халявский, достигнув физической «зрелости», резюмирует: «По моему заключению, тот человек живет и наслаждается жизнью, кто услаждает свой вкус и желудок» [4, с. 365]. На склоне лет он счастлив, что находит в своей среде приверженцев сего жизненного кредо, чуть было не похороненного новым поколением: «С удовольствием вижу, люди вспомнили, что они созданы и живут для того, чтоб есть и пить, и помня краткость бытия человеческого, спешат насладиться сим благом» [4, с. 406]. Ни единым словом автор не высказал своего отношения к такому пониманию смысла жизни, ни один из персонажей романа прямо не осудил его (разве что приятель отца — старый полковник — противопоставил неумному обжорству поместного дворянства свой «нормальный обед» в эпизоде «коварного» определения братьев Халявских на военную службу [4, с. 322—323]). Наоборот, описание каждой трапезы — а их в романе предостаточно и свидетельствуют они о редчайших познаниях Квитки, как и Гоголя в повести «Старосветские помещики», в «поварском искусстве», особенно деревенском — дается самыми «вкусными», «аппетитными» словами, обилие и разнообразие названных яств демонстрирует богатство помещичьей кухни (куда как бедна по сравнению с ней петербургская кухня, которая заставила героя мучиться голодом). Но все это постепенно гипертрофируется, и вместо человеческого облика Трушка (тут-то и начинает проступать выразительность этого антропонима) * видишь нечто бесформенное, круглое и лоснящееся от жира — становится неприятно и хочется побыстрее перевести взгляд на что-либо противоположное. А такового практически нет: убедительный пример умеренности в романе отсутствует.

Трушко удивляется, что его дети выросли совсем не такими, какими их надеялся видеть отец: сыновья «и науки кончивши, не образумились: «Пустите нас отличиться на поле чести или умереть за отечество» [4, с. 413], а отцу и в преклонном возрасте резон слышится только в словах гувернера его двенадцатилетнего внука Гриши (кстати, еще более испорченного, чем его дед): «...науки для них (юношей. — Н. Б.)... непонятны, а в жизни бесполезны» [4, с. 415], «Ум человеческий... не любит стеснений, принуждений... Дайте ему волю; пусть покоится, нежится, бездействует...» [4, с. 416]; «К чему служить в какой бы

* Антропонимам отводится особая роль в реализации идейного замысла Г. Квитки-Основьяненко — ими автор тоже высмеивает культ обжорства: Халявского окружают дьяк Кнышевский (срвн. кныш — «блюдо из теста»), учитель Галушкинский (галушка — «голубец»), сосед Тютюн и др.

то ни было службе? Мало ли в России этих баранов-мужиков?.. Несведущ будет в делах? Возьми бедного, знающего все, плати ему деньги, а сам получай награды...» [4, с. 416]. Читатель не может не испытывать острую досаду, что у сыновей Трушка, получивших приличное образование, служащих отечеству, губернёр-француз растит внука (это уже представитель четвертого поколения Халявских) на дедовых жизненных принципах. В этом, думается, проявилась идейная позиция автора: он хотя и жестоко иронизирует над своим персонажем и всем его родом, но не верит в его обновление: пусть сыновья и их сверстники приняли участие в брожении умов, высказали неудовлетворенность действительностью, они позволяют женам и гувернерам воспитывать детей в преклонении перед иностранным, в невежестве, алчности, неуважении к старшим.

Автор дает почти лермонтовский портрет новой молодежи: «Они рабы собственных, ими изобретенных правил; они, не живя, отжили; не испытав жизни, тяготеют ею! Не видав еще в свой век людей, уже удаляются от них; не насладясь ничем, тоскуют о былом, скучают настоящим, с грустью устремляют взор в будущность» [4, с. 254]. «Пан Халявский» написан фактически одновременно с «Героем нашего времени», и совпадение авторских оценок свидетельствует, на наш взгляд, об их объективности. Но ведь сыновья Трушка Халявского желали ценой жизни защищать отечество! Когда же и почему иссякла их энергия? Очевидно, неоднозначность, точнее, непроясненность вытекающего ответа может быть объяснена тем, что сам Квитка-Основьяненко был сторонником «идеалистической теории классового умиротворения, классовой гармонии» [2, с. 38].

В романе есть выразительный эпизод: братья Трушко и Петрусь, не желая уступить друг другу в дележе имения, после длительных скандалов принимают решение: «лес и сад изрубить, пчел перебить и медом разделиться, плотину уничтожить. Каждый из нас (братьев. — *Н. Б.*) торжествовал и в глаза шикал друг другу: «А что, взял?» [4, с. 385]. Эта бытовая сцена, предвосхищающая подобную в «Кайдашевой семье» (1879) И. С. Нечуя-Левицкого, социально значима: распад сословия происходил не только под влиянием внешних факторов, но и изнутри, хотя автор для себя причины этого явления полностью не прояснил.

Какими стилистическими средствами пользуется Г. Квитка-Основьяненко в процессе трансформации идейного замысла в художественную форму? Попытаемся решить этот вопрос в плане использования автором стилистических возможностей лексики (уровень грамматический может быть объектом отдельного исследования).

«Пан Халявский» был откликом Квитки на наметившийся в 30-е годы в русской литературе интерес к украинской теме. Естественно, стремление «писать с натуры» требовало привлечения художественных средств, не просто стилизирующих текст, но и выполняющих четкие изобразительные функции: харак-

теристики персонажей и индивидуализации их речи, реалистического изображения быта определенного сословия в конкретную эпоху и создания стилового колорита (юмора, сатиры) и т. п.

Эффективным приемом реализации авторского замысла является свободное (субъективное) толкование центральным персонажем тех слов общенародного языка, которые, будучи употреблены в настоящем смысле, прямо уличают этого персонажа в невежестве и аморальности (вспомним, например, Митрофанушка). Этим приемом пользуется и Квитка-Основьяненко. Так, невежда Трушко Халявский кичится своим «знанием» новых, модных слов: «просвещение», «образование», «политика». Он готов разъяснить значение слов «воспитание», «обхождение», «вкус», «жить» каждому, кто хотел бы узнать, что они значили в «его» времени: *просвещение* * — это освещение комнаты с помощью свеч или дневным светом через окна; *образование* — это «косы», «плетешки», «выстриженный и взъерошенный вержет»; *политика* — это поездки в гости к соседям, обмен визитами, да со вниманием, дабы никого не пропустить, вежливо [4, с. 191—193]. Он глубоко убежден в своих умственных способностях, не зря в конце романа говорит: «И теперь спасибо уму моему: вот и описал жизнь мою всю по его милости» [4, с. 416]. Даже самые нелепые поступки он преподносит так, что вызывает хотя и ироническую, но добродушную улыбку. Герой будто разыгрывает слушателя своей глупой, необразованной самоуверенностью и самовлюбленностью. В «этимологии», предложенной Халявским, каламбурно звучат самые нейтральные по колориту слова: «...имела бы *вкус* во всем, как в варенье, так и в солении, и знала бы тонкость в обращении с кормленной птицею...» [4, с. 371]. «А *обхождение*?.. О! Обхождение вывелось... Что ж? Во весь обед, хоть бы он раз встал, да обошел гостей, да припросил...» [4, с. 194]. Даже воспитание и образование он не мыслит себе вне основного, по его мнению, предназначения человека: «...но я пишу о том веке, когда люди «жили», т. е. одна забота, одно попечение, одна мысль, одни рассказы и суждения были все о еде; когда есть, что есть, сколько есть. И все есть, есть и есть» [4, с. 278—279]. Ничего нового вокруг себя Трушко видит не желает: «*воспитана* — означало у нас вскормлена, вспоена, не жалея кошту, а оттого девка полная, крупная, ядреная, кровь как не брызнет из щек» [4, с. 331], «начиная от «воспитания», то есть вскормления (теперь под словом «воспитание» разумеется другое, совсем противное» [4, с. 253] (сравн. «Посмотрите на теперешнее юношество — так ли оно воспитано? Кожа да кости!» [4, с. 213]; «*образована* — объясняю, что она имела во что нарядиться и дать себе образ, или вид, замечательный» [4, с. 331], «...при мне говорили, что я жалкий молодой человек без образования. Не знаю; что они разумели, но я был очень хорошо образован: платье все по последней моде...» [4, с. 371]. Упорно стремился

* Здесь и далее курсив наш.

Трушко осуществить мечту свою и матери: пусть покоится, нежится, бездействует ум. Однако то, что он восхваляет, само по себе становится достойным не только порицания, но и отрицания!

Особую нагрузку в создании сатирического колорита несет в тексте романа «Пан Халывский» каламбур. С его помощью автор тонко высмеивает самовлюбленность Трушка («Должно полагать, что я был очень хорош, когда стоял под венцом; ...во мне была тьма приятностей» [4, с. 389]); или, например, рисует, как сосед Потап Корнеевич каламбурирует по поводу невежества Трушка в сравнении с «оседлавшим ученость» Петрусем: «Старший сын ваш имеет много ума, а другой много разума... Помоему, различные темпераменты. Разница уметь и разница разуметь: а все велико» [4, с. 291]. Каламбур — одно из классических средств иронии, и Г. Квитка-Основьяненко пользуется им весьма удачно.

Необходимо подчеркнуть, что Г. Квитка-Основьяненко принадлежит к двуязычным писателям: 20 лет он писал произведения на русском языке и лишь на 55-ом году жизни начал писать по-украински*. Русская речь первой половины XIX в. была его практической речью, к тому же Квитка был активным участником литературной и светской жизни, поэтому в его русских произведениях на украинскую тему стилистически неоправданные заимствования из украинского языка случаются редко (сравн. «у комедийного дома подвинуться *не можно* было» [4, с. 354]; «а здесь она *впуста* течет» [4, 361]; «узнал, что это не натура, а так, *вдають* только» [4, с. 367]. Украинизмы в романе, как правило, стилистически маркированы. Особенностью речевых партий «Пана Халывского» является то, что в романе выступает фактически единственный персонаж из народа — Кузьма, слуга Трушка, без которого паныч «не мог съесть куска хлеба» [4, с. 340]. В его речи встречаются не только отдельные украинские лексемы, но даже синтаксические конструкции («А от что вы мне, панычу, скажете...» [4, с. 340]; — Кузьма, — сказал я. — Видишь? — *Атож*, — отвечал он» [4, с. 351]. Кузьма почтительно называет вовсе не юного Трушка панычем**, нередко успокаивает его народной поговоркой («Запас беды не чинит» [4, с. 341], «*Абы гроши* — все будет» [4, с. 341]).

Поскольку избранная форма повествования исключает авторскую речь, то, естественно, реплики всех персонажей (батеньки и маменьки, дьяка Кнышевского, студента-недоучки Галушкинского, секретаря Горб-Маявецкого и др.) переданы в интерпретации Трушка.

Естественно, автор стремился не допустить смыслового и стилистического диссонанса: Трушко представляет нам свое ок-

* Язык произведений Г. Квитки-Основьяненко как лаборатория распространения в первой половине XIX в. литературного билингвизма еще ждет своего исследователя.

** Взаимоотношения Кузьмы и Трушка воплощают идеалистически-морализаторские тенденции в творчестве Г. Квитки.

ружение (человеческое и предметное) под углом личного мировидения, поэтому речь персонажей, пересказанная им, не может полностью восприниматься как характерная. Его же речь, безусловно, выполняет и познавательную, и идейно-стилистическую функции. Трушко «обожал» маменьку (это она сформировала, укрепила его жизненные «идеалы»), поэтому ее речь рассказчик воспроизводит с максимальными смысловыми интонациями — перед нами предстает образ женщины грубой и жадной, деспотичной крепостницы («Лиха матери дожدهшься, чтоб с моих сыновей был хотя один ученый» [4, с. 248]; Речь батеньки, тоже нередко калькированная с украинского («Нуте же, полно,... не давайте воли язычку» [4, с. 245], в нашем восприятии формирует реалистичный образ.

В романе «Пан Халявский» значительная стилистическая роль принадлежит этнографизмам, сопровождаемым тут же или переводом, или толкованием значения. Это проявляется в наименованиях блюд («страва — кушанье» [4, с. 201]; «ботвинье, называемое у нас «холодец» [4, с. 250]; «борщ с говядиною, или, по-тогдашнему, с яловичиною» [4, с. 209]; различных предметов быта, домашней утвари («садились на скамьях, или «ослонах» [4, с. 208]; «дзиглик (так тогда называлась стулка, то есть стул» [4, с. 260]; в названиях праздников («к будущему «великодию» (воскресенью Христову)» [4, с. 308]; народных обычаев, гуляний («прочим подносят тыкву» [4, с. 319], т. е. отказывают в сватовстве) и др. Некоторые украинизмы сегодня кажутся стилистическим излишеством («Для сего имейте всегда в «кишене» пшено или чеснок» [4, с. 271]; «Немного сгодом (спустя несколько) дворецкий внес большой поднос» [4, с. 205]). Но в общем Г. Квитка удачно использует эти единицы для реалистического описания быта и нравов поместного дворянства, а также для создания соответствующей эмоциональной тональности (сравн. ласкательные: *серденько мое, деточки-голубяточки, душко* (рус. *душенька*) и др.; грубые: *сказился — взбесился, в свиной голос — с опозданием*; нейтральные, хотя и с ласкательными суффиксами: *маменька, батенька, бабуся*; сравн. в речи правнуков: *маман, мамаша, папаша, бушечка*). Нельзя, однако, считать, что отмеченные стилистические приемы были присущи лишь роману «Пан Халявский». Подобные формы употребления украинизмов были свойственны Н. Гоголю, В. Наружному. То же можно сказать о введении в художественный текст стихотворной речи или назывании общеизвестной песни (у Квитки это, например, «Зелененький барвиночку» [4, с. 252]), имевшем место в романтической традиции.

Если украинизмы-лексемы выделяются на общем языковом фоне, то такая эффективная стилистическая единица, как фразеологизм, вписалась в язык произведения органично. Однако писатель часто обращается к способу калькирования фразеологизмов. Для фразеологии это неприемлемый способ (следует пользоваться смысловыми соответствиями). Калькированные Квиткой фразеологизмы в романе не звучат диссонансом лишь

благодаря близкому родству украинского и русского языков (сравн.: «... я теперь, как выражаются у нас, целою губою пан» [4, с. 372]; «Потом он прикусил язык» [4, с. 386] — *умолкнул*; «и он, как кипятком облитый, выскочил и побежал» [4, с. 259] — *как ошпаренный* и др). Как показывает анализ фразеологического состава романа «Пан Халявский», писатель хорошо знал фразеологические ресурсы обоих языков, владел их семантической и стилистической палитрой. В романе употреблены как средство образности разговорные и книжные фразеологизмы (латинские фразеологизмы приводятся даже без перевода: «Sic transit gloria mundi» [4, с. 337] — «так проходит слава мира»; «O tempo, o tempo!» [4, с. 274] — «О времена, о нравы»; «NB» часто употребляется в комментариях Трушка), устаревшие и новообразованные, эмоционально сниженные и возвышенные (в пределах амплитуды чувств Трушка), общенародные и авторские и т. д. Нам представляется неправильным хрестоматийное утверждение о том, что Квитка, как и его предшественник по бурлескному стилю И. Котляревский, копировал живую народную речь *. Думается, наши наблюдения дают основания констатировать: роман «Пан Халявский» насыщен многочисленными примерами удачных авторских трансформаций общенародных фразеологизмов и стилизованных в народном ключе неологизмов. Например: контаминация фразеологизмов («Кузьма выходил из себя от сердец» [4, с. 361] — *выходить из себя и в сердцах*; усечение состава фразеологизмов (*но это еще цветочки, погодите, что дальше будет!*) [4, с. 321]; «нанизывание» в одном контексте двух фразеологизмов, использование фразеологизма в прямом значении его компонента (Отзвонил, да и с колокольни прочь: пусть другие разбирают, о чем был звон: за здравие или за упокой» [4, с. 248]; изменение грамматической формы компонентов фразеологизма («сякая-такая лыками шитая жена» [4, с. 300]).

Источники фразеологии «Пана Халявского» разнообразны: фольклорные фразеологизмы (способствующие размеренному темпу текста: «Близко ли, далеко ли стоял город, скоро ли, не скоро, — но нас довели» [4, с. 270]; книжные, в том числе библейские фразеологизмы (употребляемые в большинстве случаев в ироническом значении благодаря создаваемому их высоким звучанием диссонансу со смыслом контекста: «любит — как говорится, до положения риз — какого-то Энея» [4, с. 362]); разговорные, создающие определенный колорит (ласкательности, иронии, сатиры) и эмоциональную тональность (шутки, раздражения, аффекта): «Из числа гувернеров есть один: ну, так собаку съел!» [4, с. 415]; «Я ни в зуб не знал ничего» [4, с. 277]; авторские неологизмы: «Перед товарищами держите себя по-шляхетски, как! — знак удивительный, бодро, гордо, важно, и вас все почтут, иначе унижат вас хуже запятой»

* Требование «писать с натуры» еще не означало копировать, а опираться на фольклор и разговорную речь — не означало переносить их в текст без изменений.

[4, с. 217]. Нередки в романе и русские фразеологизмы: «Не бойся, Кузьма, не на таковских напали» [4, с. 348]; «И поделом им! Как им равняться с порядочными людьми» [4, с. 262]. Фразеологизмы используются для лаконичной характеристики персонажа. Сравн.: «хитрый» — «маменька была себе на уме» [4, с. 199]; «лодырь» — «и пальцем ни до чего не дотронулся» [4, с. 396]; «находчивый» — «Потап Корнеевич... зато в карман за словом не лазил» [4, с. 287]; «состоятельный» — «пан на всю губу» [4, с. 273]; «застесняться» — «покраснели, как вареные раки!» [4, с. 311].

Анализ отдельных стилистических приемов использования лексических ресурсов языка для реализации авторского замысла в романе «Пан Халявский» не только свидетельствует о художественном таланте его автора. Он показывает также, сколь выразительно может проявляться идейный замысел через стилевую доминантность. Идейно-эстетическая целостность художественного произведения, его совершенство во многом зависят от богатства лексических и фразеологических средств, с помощью которых автор реализует идейный замысел, от соответствия этому замыслу значения слова (и фразеологизма), от простоты и ясности изложения.

1. *Белинский В. Г.* Русская литература в 1840 г. // Собр. соч.: В 9 т. 1978. Т. 3. 2. *Гончар О. И.* Григорій Квітка-Основ'яненко. К., 1969. 3. *Зубков С. Д.* Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребинки в контексте русско-украинских литературных связей. К., 1979. 4. *Квітка-Основ'яненко.* Пан Халявский. Твори: В 6 т. К., 1956. Т. 4. 5. *Крутікова Н. Є.* Гоголь та українська література (30—80 рр. XIX ст.). К., 1957. 6. *Романенко В.* «Пан Халявський» и его автор // Г. Ф. Квитка-Основ'яненко. Пан Халявський М., 1971. 7. *Сохацька Є. І.* Російська проза Г. Квітки-Основ'яненка // Укр. мова. і літ. в шк. 1978. № 11. 8. *Халімончук О.* Класик двох літератур // Наука і культура. Україна. 1978. К., 1979.

Статья поступила в редколлегию 11.09.87

В. Е. Федорищев, доц.,
Черновицкий университет

О художественных функциях народной этимологии в русской литературе (На материалах творчества Н. С. Лескова и некоторых других писателей)

Народная этимология — это «переделка в народном языке заимствованного или непонятого слова по образцу близкого своим звучанием понятного слова, а в связи с этим изменение его значения» [18, с. 261]. Однако в этом термине некоторые ученые слышат презрительное отношение образованных буржуазных классов общества к простому народу и предпочитают термин «ложная этимология» [8, с. 37]. Тем более, что такие переделки слов встречаются не только у малограмотных, но и у образованных людей [5, с. 122]. Народная этимология — очень рас-